

Александр Сорокин

СНЕГ ТИШИНЫ

18+

Александр Сорокин

Снег тишины

«ЛитРес: Самиздат»

2009

Сорокин А. Е.

Снег тишины / А. Е. Сорокин — «ЛитРес: Самиздат», 2009

Книга раскрывает размышления неизвестного в широких кругах, но настоящего поэта о смысле жизни через философские стихи и любовную лирику. В книге также есть вольные переложения известных французских, английских и грузинских авторов.

Александр Сорокин

Снег тишины

К ЧИТАТЕЛЮ

Не скрою, четвёртая книга складывалась труднее, чем первые три. Во-первых, я «слишком хорошо» научился писать, наработал собственные художественные приёмы, и увеличилась опасность забрести в болото самоповторов, потеряв способность к живому, трепетному слову. Во-вторых, тёртый калач в поэзии – дырка от бублика. Ведь удел поэта, по словам Маяковского, езда в неизвестное. Оттого было необходимо измениться сначала самому, дабы начать писать по-новому. Удалось ли мне это – не скажу с уверенностью, но стихи в этот период случались реже, работа над ними становилась всё кропотливей, недовольство совершённым посещало всё чаще, а мелкие удачи радовали острее, – по этим признакам могу судить, что кое-какие сдвиги во мне произошли. Да и способен ли кто топтаться на месте, когда, как известно, движение – это жизнь! И если я «топтался» – значит, и не жил, создавая эту книгу, и сама книга мертва, и читать её пустое дело. Однако надеюсь, что это не так.

Александр Сорокин

ОНА МОЛЧИТ

Люблю её, большую, малую,
зову её: Святая Русь.
Никто у сердца не украл её –
ни швед, ни немец, ни француз.

И наши brave правители,
и диссиденты-крикуны
проходят – только их и видели –
её не тронув тишины.

Она молчит, и в том молчании
так много смысла и огня,
как искренности – в покаянии,
и прегрешений – у меня...

ШЁЛ СНЕГ

Шёл снег...

Он был и тут же н е был, едва земли коснуться смел он,
хотя не мог расстаться с небом –
таким же призрачным и белым.
Казалось, что из черной жижи,
как от бессилия бывшего,
он поднимался выше, выше
и возвращался снова, снова...
Дыханьем вести небывалой
(а люди думали – напрасно)
будил он этот мир усталый

и намекал, пока бессвязно,
на тот исконный неуют,
где, как солдаты у дороги,
не брезгуя соседством, пьют
и люди, и зверьё, и боги.

В МЕТРО

Он идёт по переходам
и не ропщет на судьбу,
и зовёт своим народом
эту хмурую толпу.

Озирается в вагоне
беззащитно, как слепой,
замирает на перроне,
что-то слыша над собой,
что-то слыша надо всеми,
что никто не слышит тут.
На бумаге – будет время –
эти звуки оживут.

Он их чарочкой помянет
и, быть может, не одной,
но едва ли легче станет
жить под солнцем и луной.

Кто же он, откуда родом?
Уж не я ли это сам
восхожу по переходам
из подземки к небесам!
На простор из клетки душной
вырываюсь, сам не свой,
забывая мир окружный
с его славой и молвой.

И подземное – земное
раздвигает берега...
Видно, нет тому покоя,
кто пришёл издалека.

ЭЛЕГИЯ

Виктору Гаврилину

На празднике чумы присядем у стола,
стыдливость и любовь – всё, чем душа богата.
Развесистая ложь отчизну оплела,
но не по вкусу нам ворованное золото.

О славе помолчим – уже не те года,
за тихие труды отыщется награда:
о веке золотом напомнит красота
нечаянной строки, и большего не надо.

Развесистая ложь отчизну оплела
уже не в первый раз – а всё раздолье снится,
где золотом горят над полем купола
и вдаль летит, летит иной судьбы жар-птица...

В ЭТОМ МЕСЯЦЕ

Разрываются почки на ветках
худосочных московских берёз!
В этом месяце радостей редких,
снов бескрылых и мыслей вразброс
их слепое любовное рвенье,
их наивная вера в рассвет
пошатнули моё недоверье
к непростительной власти примет.
Может быть, это только начало
непростого, иного пути?
Пусть разлука нам в дверь постучала, –
«До свиданья, – скажу. – И прости».
Иногда и чужая забота
может стать неподдельно родной,
только есть неизменное что-то,
что владеет тобою и мной.
И, наверное, нам только снится
непредвиденный, новый разлад,
и берёзам я рад поклониться,
унося их сочувственный взгляд.
И тебя вспоминая попутно,
неожиданно осознаю,
что улыбку весеннего утра
принял я за улыбку твою.

БЕЗ ЛЮБВИ

Что без любви набухший куст сирени –
всего лишь ветка меж других ветвей,
и по двору блуждающие тени
не оживит ходульный соловей.
Не пробежит внезапно дрожь по коже
от залетевшей в форточку звезды,
и в сватовстве рассветной суеты
не станет день нарядней и моложе.
И не уймёт сердечную простуду
случайной рифмы отзвук холостой...
Как без любви на этом свете буду
я говорить о радости простой?

СОН

И куда иду я, зрячий,
а присмотришься – слепой?
И за мною люд бродячий
той же следует тропой.

Я сказал *тропой* – однако
нет здесь никакой тропы,
лишь бездомная собака
воет на луну судьбы.

Ни оврага, ни пригорка,
ни худого деревца –
ровный, тусклый свет и только
даль без края и лица.

В этой местности миражной,
до того она пуста,
не отыщешь места даже
для могилы и креста.

То-то черти посмеются,
не таков ли Страшный Суд:
опоздать и не проснуться,
и навек остаться тут?!

КОГДА НЕ ПРИХОДИТ ПОДМОГА

Когда не приходит подмога,
не брошусь с тоски из окна,
решив, что прямая дорога
сквозь звёздное небо видна.

И так мы не раз пропадали
от пули, от водки, в петле,
но петь в кабале и опале
умели на этой земле.

И стыдно, сдружившись с бедою,
в чужом, безответном краю
выклянчивать лучшую долю,
оплакивать радость свою.

И совестно, да и не ново,
в зазнайки и выскочки лезть
тому, кто на русское слово
поставил и совесть, и честь.

И я не нарушу обета,

не важно, что там впереди,
вот только б дожить до рассвета
и ночь эту вброд перейти...

БЕССМЕРТНИК

Бессмертник мой, пускай темно, пускай!
Неприхотливый, радужный цветок,
хотя бы раз под вечер намекай:
никто из нас в труде не одинок.

Кусочек солнца в розовых лучах,
с каких незнамо сорванный полей,
ты на столе засох, но не зачах,
и о поре цветенья не жалея.

И я мудрей, спокойней, тише стал,
и мне размах и пышность не к лицу.
Я всё в себе расставлю по местам,
когда вернусь к Небесному Отцу.

СУДЬБА

И, даже крадучись по краю,
В невозвращенца, в беглеца
И в эмиграцию играю.
И доиграю до конца.
Александр Межиров

С глазами падшего ангела
и заиканием Моисея
не перепишешь набело
судьбу с заголовком: «Рассея».

И заставляет что-то
в благопристойной Неваде
помнить Синявинские болота
и Ленинград в блокаде.

Недаром, сердцем владея,
смешала родная глина
неприкаянность иудея
с норовом славянина.

Жить бы ему, хоть со Сталиным,
без козырей, да под небом этим,
в бедном краю оставленном,
в тысячелетье третьем!

В списках врагов не значится –
спасибо судьбе и за это...

Не перепишешь начисто
жизнь игрока и поэта.

НЕ СПЕШИ

Андрею Алексееву

Не спеши состариться,
сбросим лишний хлам,
что от нас останется –
собирать не нам.
Где росток пригреется,
там и день взойдёт.
Всё у нас имеется –
и не первый год:
молодость бесследная,
седина виска...
А дорога светлая
всё равно легка!

ВСТРЕЧА

Мы проходим тёмной улицей
в стороне от всех забот,
и не важно, что там сбудется
через месяц, через год.
Мы идём с тобою под руку,
не чужие, не родня, –
вместе – остальное по боку.
Погляди же на меня! –
И закружится во тьме ночной
приютивший нас квартал,
и ты снова станешь девочкой,
о которой я мечтал.

ЗАБЛУДИВШИЙСЯ СНЕГ

Стремительно и безответно
врываясь в помыслы и сны,
пронизанный весельем ветра
и полнозвучьем тишины,
случайно выпавший из ряда
событий, канувших во мглу, –
снег убеляет ветви сада
и льнёт к замёрзшему стеклу.
Но нет к прошедшему возврата!
И в доме светлом – пустота.
И снег ложится виновато
на незнакомые места.

ДАВНО ПОРА

Яну Иоаниди

А помнишь, Яном Бунина звала
его супруга Вера Николавна?
Ему же в Грасе русского тепла
так не хватало, а любви – подавно.

Вот ты с рожденья не Иван, а Ян,
и я не стану звать тебя Иваном.
Пускай порою ты бываешь пьян –
я сам бываю по неделе пьяным.

Но главное – поэзия, и с ней
нам не страшны разводы и запои!
Давно пора сомкнуть наш круг тесней,
и пусть печаль оставит нас в покое.

Давно пора не выживать, а жить
везде: в безмолвье, в безрассудстве, в звуке.
Давно пора нам сердце обнажить
и не бежать от боли и разлуки.

НАВАЖДЕНИЕ

Окружённый спол *о* хами древними
(или в явь мои сны облеклись?),
над продрогшими в поле деревьями
красный месяц подковой повис.

И уже на раздолье языческом
прозвучал над отчизной степной,
нарушая безмолвья владычество,
крик неведомой птицы ночной.

Я ли это иль предок забытый мой
с первобытной вдыхает тоской
воздух, дымом становищ пропитанный...
или это костёр за рекой?

Чьи-то тени ползут настороженно
вдоль оврага сквозь редкий туман...
Или всё, чему быть не положено,
распоясавшись, вводит в обман?

Где я? Кто я? Прикинулся чудищем
пень разлапый, иль чудище – пнём?..
Только звёзды и в прошлом, и в будущем
неподдельным мерцают огнём!

НЕПРЕДСКАЗУЕМЫЙ ЯНВАРЬ

Как пахнет снег, забыли мы,
дождит с утра и допоздна,
и без зимы среди зимы
трава, как в мае, зелена.

А вот пойдя на нас войной –
прямым ответом на вопрос,
глядишь, ударит запасной,
сорокаградусный мороз.

НА ТОЙ ВОЙНЕ

Я в смертный бой вступал во сне,
как будто наяву,
и погибал на той войне,
и до сих пор живу.

Из синевы спускаясь в ад, в грохочущий разлом,
я знал, что нет пути назад,
и не жалел о том.

Над телом павшего бойца
призывно горн играл,
а я среди живых отца
в смятенье выбирал.

Но вот уже и нет живых –
все полегли в бою,
и канонады гул затих
у мира на краю.

Но вижу: скрыт густой травой
и пулями прошит,
в беспамятстве, полуживой
один солдат лежит.

Всю ночь я просидел над ним –
настырна смерть, хитра, –
моей молитвою храним,
он бредил до утра.

И вот рассвета час настал!
И отлегло в груди,
когда явился санитар,
как ангел во плоти.

Потом мне снился лазарет
и скальпеля металл.
Хирург, прося прибавить свет,
кроил, кромсал, латал.

Сон обрывался и опять
накатывал волной...
Уже я начал забывать
того, кто звался мной.

Иного воинства уже
небесные послы
бездомной, страждущей душе
благую весть несли.

Но что-то в памяти былой
мешало обретать
всепобедительный покой
и солнечную стать.

И так, плутая в полумгле,
я вспомнил наконец:
на хирургическом столе
мой воскресал отец.

ОТЕЦ

Придя как слух о без вести пропавшем,
он не скрывал осанки фронтовой
и не искал опоры в мире нашем,
и был спокоен – мёртвый, но... живой.

Припомнив всё, что вынес на плечах,
он оглянулся на свои потери –
и увидал меня...
и, промолчав,
шагнул во тьму сквозь запертые двери...

И как теперь мириться с тишиной,
не поддаваясь жалости и боли!
Ведь часовые стрелки за стеной
не по моей остановились воле,
и не со мною счёты сведены;
нигде не бьют тревогу об утратах,
никто вокруг не ищет виноватых...
А оправданье – тяжелей вины.

ЗА ОТЦА

Ни лагерей, ни пули не отведав,
но в поредевшем не чужой строю,
на дорогих развалинах победы
я за отца навьютяжку стою.

Народ молчит. Безмолвны обелиски.

Толпа резвится, празднуя салют.
Мы все – в одном, неуследимом списке
живых, где впрок побед не раздают.

И в этот строй я встал не для парада,
а ради той победной тишины,
разлитой в сердце русского солдата

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.